

ПРАВОСЛАВИЕ НА «РУБЕЖЕ КУЛЬТУР»: ИЗ ИСТОРИИ БЕЛОРУССКО-УКРАИНСКОЙ МЫСЛИ ПОЗДНЕГО ВОЗРОЖДЕНИЯ

Одним из наиболее событийно насыщенных и одновременно драматичных периодов отечественной истории и культуры является Позднее Возрождение. Идеологическое противостояние вокруг Брестской церковной унии, духовные искания в этот период конца XVI — первой половины XVII века получили наиболее яркое отражение в произведениях полемической литературы, где поднимались актуальнейшие проблемы религиозно-церковной, национально-культурной, общественно-политической жизни общества [11, с. 70—99].

Одной из центральных проблем полемики выступало отношение к светской культуре и научному знанию. Нетождественные позиции высказывались в рамках всех конфессиональных сообществ. В православной мысли сформировалось два основных направления: как отрицающее полезность и целесообразность существования отдельной от христианского богословия светской науки и культуры (И. Вишенский, старец Артемий и др.), так и признающее необходимость, наряду со Священным Писанием и трудами «отцов церкви», независимых от религиозных догматов светского знания и светской культуры (Л. Зизаний, М. Смолицкий, Ф. Иевлевич, П. Могила, С. Косов и др.).

Автор «Вопросов и ответов православному з папезником», являвшийся выразителем первого направления, провозглашает единственным подлинным знанием «науку апостолскую и отцев святых» и утверждает, что «мудрость светская глупство есть у Бога» [6, с. 83, 106]. «Наука» «папезников» и развитие светских наук не дают, по его мнению, «досконалости и твердости» в вере [6, с. 108]. Автор «Перестроги» «мудрости Аристотелева» и других «поганских философов» противопоставляет «смиреномудрость Духа Святого» [1, с. 230, 234]. Отрицающий «философию и прочинию здрадою» Василий Острожский призывает жить «отложивши свое человеческое умышление, по преданию апостольскому.., по древнему мудрствовати» [6, с. 671, 686—687]. Подобное отношение ряда православных авторов к светскому знанию было связано с отрицанием «латинской мудрости». «О русские чада, — говорится в сочинении «До благочестивых» Загоровского сборника, — избавите себе от темнаго ада, не в школах латинских розум купуйте, и их трутизнами души не питайте, погубите веру и святую славу...» [10, с. 187].

Для православных публицистов второго направления характерна весьма высокая оценка знания, «книжной мудрости». В «Палинодии» читаем: «Великий бовем пожиток душе от книг святых бывает!» (Ср.: «Велика ведь бывает польза от учения книжного...» — «Повесть временных лет»). З. Копыстенский восхваляет Ярослава Мудрого как просветителя Руси, который книги «на Словенский язык переключал», «насеял книг», из которых «мы жнемо приимуючи... науку» [5, с. 985]. При этом Копыстенский не игнорирует светские науки, причисляя и их к «божьей благодати» [5, с. 901, 912—913]. Многие авторы высказывались о необходимости приобщения к западной культуре и науке. Так, Баркулабовский мемуарист одобрительно относится к образованию молодого князя Соломерецкого, который «почал учиться по руску грамоте и по грецку» у Л. Зизания, а затем обратился «до науки латинския, до пана Максима Герасимовича Смотрицкого» [8, с. 184—185]. Князь К. Острожский, как и в свое время Ф. Скорина, видел путь преодоления кризисного состояния культуры («устали учителя, устали проповедачы слова Божого, устали науки, устали казанья!») и «грубианства» духовных в реформировании системы просвещения по образцу «семи свободных искусств», в «закладанье школ и наук вольных», привлечении к школьному делу «ученых презвитеров» и «казнодеев добрых» [7, с. 583, 587; 4, с. 298—299]. В училище в Остроге преподавались греческий, латинский, «русский» и польский языки, богословие, диалектика, риторика, поэтика, грамматика. Схожая программа реализовывалась в братских школах во Львове, Киеве, Минске, Бресте, Могилеве и других городах. Это свидетельствует об осознании обществом, и прежде всего широкими слоями «городского посполства», частью православного духовенства значимости светской культуры, знания, и развития на этой основе национальных форм духовной жизни. Интеллектуализации православной культуры способствовало создание про-

светительских и книгоиздательских центров в Заблудово, Кутейно, Киево-Печерской Лавре, Вильно, Ивье, Могилеве. Приобщало к науке, литературе и философии Запада, формировало тип светских и церковных деятелей «на рубеже культур» обучение белорусской и украинской молодежи в западноевропейских университетах.

Дискуссии по вопросам отечественной культуры нередко имели выраженный конфессиональный контекст. «В костелах Римских», пишет автор «Перестроги», «книг Словенских великими склепами знойдеш замкнених, которых на свет не выпускают... по збуренью и осегне-нью паньства Руского». В происках «папистов» он видит причину того, что не могли «руси-ны» «школ и наук посполитых розширяти». В оценке автора весьма велика роль науки, с ее развитием он связывает процветание народа [1, с. 204]. Ряд полемистов обращал внимание на отрицательные последствия насильственной унификации для культуры и просвещения обще-ства. Если бы не уния, писал в «Обороне верификации» М. Смотрицкий, то белорусы давно имели бы новые религиозные книги, школы и т. п., что теперь «не скоро произойдет, а имен-но в этом наш народ русский сегодня нуждается» [2, с. 441]. Но заявлялись и другие пози-ции. Так, Л. Древинский указывал на стимулирующую роль экстремальной ситуации в раз-витии отечественной культуры и просвещения: «... таковыя науки, таковыя училища, толико достойные и ученые люди в народе Российском никогда бы не открылись» [3, с. 69].

Х. Филалет обосновывал мысль о культурном приоритете «греческих народов» (право-славных. — В. С.) перед «римским», сочинение иезуита П. Скарги «Собор Берестейский», в ко-тором тот приписал славянам «упорь, небаченье... правды... слепоту, нестаток, глупство», он считал крайне оскорбительным для восточных славян («все, што ядовитая слинка до уст при-несла») [6, с. 1014]. О «сталости», «моци», «непоручности» православной славянской «науки» писал автор «Палинодии». При этом «Латинский розум» трактуется им как «нижший и не-сталый» [5, с. 901]. Утверждения о превосходстве «латинской» «науки» над «грецкой» автор считает ложью, так как сама наука Рима восходит к греческой («Платонова и Аристотелева и иных философов Грецких мудрость» [5, с. 900]. Данный мотив уже звучал ранее, у Г. Смо-трицкого: «с греков философы, з греков богословцы увесь свет маеть, без которых... Рим ни-чего не знаеть» [2, с. 241]. В противовес П. Скарге Копыстенский постулирует равенство гре-ческого, латинского и славянского языков: «И по Грецку, и по Латини, и по Словенску... положилисмо...» [5, с. 696]. Подобную идею высказывал и известный книгоиздатель, просве-титель Л. Мамонич, подчеркивая в предисловии к Судебнику 1617 г., что «Словенский» поя-вился «не без особливого споряженья божего...» [9, с. 76].

Таким образом, в православном интеллектуальном сообществе периода Позднего Воз-рождения по проблеме отношения к светским знаниям, вопросу о роли и значении культуры Запада сложилось два ведущих направления: нигилистическое, провозглашавшее единствен-ным подлинным знанием богословие, «мудрость евангельскую», и конструктивное, признаю-щее полезность и важность светского знания, синтеза латинской и славяно-византийской образованности. Здесь же заметим, что иную культурологическую позицию занимали униат-ские авторы, концепция которых предполагала одностороннюю духовную переориентацию на Запад, сближение с римо-католицизмом. Ряд аспектов полемики о соотношении светско-го и теологического знания не утратил своей актуальности в последующей истории культу-ры, в том числе в современном богословии и секулярном обществоведении.

Литература

1. Акты, относящиеся к истории Западной России. — СПб.: Тип. Э. Праца, 1851. — Т. 4.
2. Архив Юго-Западной России. — Киев: Тип. Г. Т. Корчак-Новицкого, 1887. — Ч. 1. Т. 7. — XVI.
3. Бантыш-Каменский, Н. Историческое известие о возникшей в Польше унии / Н. Бантыш-Каменский. — М.: Синод. тип., 1805.
4. Макарий. История Русской церкви / Макарий. — М.: Изд-во Спасо-Преображенского Валаамского мона-стыря, 1996. — Кн. 5.
5. Памятники полемической литературы в Западной Руси. — Пб.: Тип. А. Траншеля, 1878. — Кн. 1.
6. Памятники полемической литературы в Западной Руси. — Пб.: Тип. А. М. Котомина и К., 1882. — Кн. 2.
7. Памятники полемической литературы в Западной Руси. — Пб.: Сенатская тип., 1903. — Кн. 3.
8. Полное собрание русских летописей. — М.: Наука, 1975. — Т. 32.

9. Прадмовы і пасляслоўі паслядоўнікаў Францыска Скарыны / уклад., уступ. арт. і камент. У. Г. Кароткага. — Мінск: Навука і тэхніка, 1991.

10. Саверчанка, І. В. Старажытная паэзія Беларусі: XVI — першая палова XVII ст. / І. В. Саверчанка. — Мінск: Навука і тэхніка, 1992.

11. Старостенко, В. В. Становление национального самосознания белорусов: этапы и основополагающие идеи (X—XVII вв.) / В. В. Старостенко. — Могилев: МГУ им. А. А. Кулешова, 2001.